

18+

Ирина Галактина
Я сердца дверцу приоткрыла

История моей жизни и очень правдивые РАССКАЗЫ

Ирина Галактина

**Я сердца дверцу приоткрыла.
История моей жизни
и очень правдивые рассказы**

«Издательские решения»

Галактина И.

Я сердца дверцу приоткрыла. История моей жизни и очень правдивые рассказы / И. Галактина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961689-0

Автобиографическая повесть. Искреннее повествование о судьбе героини, о сложностях, испытаниях, о радости и поиске смысла жизни. Легкое изложение и чувство юмора автора делают книгу доступной для всех возрастов. Вторую часть книги составляют отдельные автобиографические рассказы. Книга для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-961689-0

© Галактина И.
© Издательские решения

Содержание

Я сердца дверцу приоткрыла	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Как я готовилась умирать	8
ДЕТСТВО	9
ВОСПОМИНАНИЯ	10
ДОМА	12
ОТКРЫТИЕ	13
КРЕЩЕНИЕ	13
ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС	14
РОЖДЕНИЕ СЕСТРЁНКИ	16
СУДЬБА	17
МОРОЗОВСКАЯ БОЛЬНИЦА	18
ДЕВОЧКИ	19
УЖЕ НЕ ДЕТСТВО	22
ОПЕРАЦИЯ	23
Знакомство с Библией	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Я сердца дверцу приоткрыла
История моей жизни
и очень правдивые рассказы
Ирина Галактина**

© Ирина Галактина, 2023

ISBN 978-5-4496-1689-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я сердца дверцу приоткрыла

ПРЕДИСЛОВИЕ

В два года я узнала как месяцами засыпать и просыпаться без мамы.
В четыре года я увидела, как мир жестоко унижает тех, кому приклеил ярлык «жирный».
В шесть лет меня посетили первые ночные страхи.
В семь – я осознала, что я должна когда-нибудь умереть.
В одиннадцать – я ощутила силу боли от недостаточной анестезии при операции.
В тринадцать – пережила первый сердечный приступ.
В четырнадцать – я поняла, как трудно стать зависимым от помощи других людей.
В пятнадцать – наступил ужас страшной депрессии.
В шестнадцать – встала на костыли.
В семнадцать – потеряла зрение.
В восемнадцать – столкнулась с одиночеством, когда отвернулись друзья.
В девятнадцать – узнала, что такое неправильный наркоз, болевой шок и его последствия.
Тогда же познакомилась с нежеланием жить.
В двадцать – ощутила, какими уродливыми и тяжеленными могут быть очки с линзами +14.
В двадцать восемь – поняла, как страшна сама мысль потерять глаз.
В тридцать два – села первый раз в инвалидную коляску.
В тридцать восемь – встретилась с бессонницей и сильным неврозом...
Я знаю, что живу не просто так. Во всем есть смысл: и в моей жизни, и в моих страданиях тоже.
Самое трудное – это всех простить и принять свою судьбу.
Мое богатство – это мой жизненный опыт в преодолении трудностей, в радости побед и в ужасах поражений.
Мое богатство – это путь к Богу, Который незримо, но вполне очевидно присутствовал на каждой из упомянутых мной ступеней. На Которого я злилась и в Которого отказывалась верить за Его «жестокий нрав».
Мое богатство – это моя, так трудно обретенная, вера, путь прощения Бога, себя и всех, кто являлся источником моей боли.
Мое богатство – это мои близкие, которые терпели и любили меня даже тогда, когда это было невыносимо трудно.
Но главное мое богатство не на этой земле, оно простирается выше, дальше, оно в бесконечном Боге.
А ещё богатство в том, чтобы не быть безразличным, закрытым к чужой беде.
В том, чтобы чью-то жизнь сделать чуть-чуть ярче, чуть радостней и светлее. Помочь тому, кто отчаялся и опустил руки.
Все просто и одновременно сложно. Надо с мудростью правильно распорядиться отведенным мне на земле временем, способностями, возможностями, чтобы не упустить ничего... А, значит, время – это тоже богатство. И мудрость.
И каждый день, каждое событие, каждый человек в моей жизни, каждая боль и каждое испытание – это тоже мое богатство, подаренное мне Любящим Отцом.
А еще богатством является сама наша жизнь, хоть мы и не привыкли так ее воспринимать.
Это я прочувствовала особо остро в сорок четыре.

После инсульта...

Как я готовилась умирать

Самое главное, что может сделать человек в жизни – это подготовиться к смерти.

Конечно, любой волен поспорить с этим утверждением. Но мое убеждение, что жизнь нам дана как подготовка к вечности. Осознать это – большой труд, большое откровение, просветление, озарение. Как хотите, так и называйте.

Мне уже плохо третий день. Невероятно плохо. Так еще не было никогда. Лежу, укутавшись в одеяло и уткнувшись носом в подушку. Даже не могу объяснить словами, что со мной. Невероятная слабость, дрожь, сердце стучит, как дятел. По всему телу испарина. И ничего не помогает. Да еще знать бы, хоть от чего лечиться-то. Раньше на меня накатывало такое состояние минут на пять. Тошно, но можно перетерпеть. Потом проходило. Но чтоб три дня подряд...

Наверное, это конец.

А я так ничего и не сделала.

Жизнь какая-то пустая прошла.

Сейчас все мечты даже кажутся абсолютно нелепыми. Несуразными.

Пожалуй, лишь об одном сожалею – так и не успела написать книгу.

Да о чем писать-то?! Не о чем. Подвигов не совершала, открытий не делала, особыми талантами не наделена.

– Напиши о себе, – пронеслось где-то в глубине души.

– О себе? – мысль показалась странной, но какой-то родной.

– А что можно написать о себе? – продолжила я внутренний диалог.

– Да все, как есть напиши, только очень естественно и искренне.

Честно говоря, я обрадовалась тому, что это было простое задание. В Африку лететь не надо, с парашютом прыгать (или без) тоже. И прочая бредяттина, которая могла влезть в голову в моем состоянии.

– Написать можно, только кто это будет читать? – снова допытывалась внутри себя я.

Потом в голову полезли мысли о прочитанных мною автобиографических книгах, которые поддерживали меня в трудные минуты, как ни что другое. По несколько раз я переслушивала уже не единожды прочитанную аудиокнигу «Убежище», казалось, знаю ее наизусть. Но стойкость героинь вновь и вновь помогала переносить мне свои беды.

А вдруг, что-то из моей биографии тоже поддержит, поможет или хотя бы развеселит кого-то? – предположила я. В конце концов, как говорят, попытка не пытка.

С того момента во мне укоренилось желание написать простую книгу о себе.

Но самое удивительное было в том, что уже на следующий день мне полегчало, и больше это ужасное состояние не возвращалось ко мне по сей день. Поэтому я с особым усердием и удовольствием принялась за дело, видя в этом особый небесный замысел.

А в чем он состоит? Пока я не знаю. Может быть мне, а, может, кому-то из читателей и откроется.

Итак, понеслись.

ДЕТСТВО

Отвернувшись к стенке, я лежу на белых чистых простынях большой больничной палаты и горько плачу. Первый день всегда тяжело, особенно такой домашней и застенчивой девочке, как я.

Так и проплакала весь тихий час.

А потом детям велели одеться и идти на полдник. Но не мне.

У меня постельный режим. И от этого еще тоскливее.

Одна девочка, проходя мимо моей кровати, сунула мне в руку маленькую блестящую новогоднюю елочку на металлическом стержне из мишуры. И сказала: «Не плачь».

В другой раз я бы подпрыгнула от радости, получив такой подарок. А сейчас лишь была благодарна незнакомке за доброе отзывчивое сердце.

Мне тогда было около четырех лет...

Родилась я в типичной семье тех советских времён. Жила в социалистическом обществе и мечтала о светлом будущем.

Только «светлое» в моем детском понимании означало здоровое, без болезни.

Заболела я рано, в полтора года. Конечно, этого я помнить не могу, знаю со слов мамы болезнь запустили, лечили-лечили да не от того и не там. Короче, инвалидом я стала ещё в детстве.

Об этом трудно говорить. Все, что связано с больницами, врачами, болезненными процедурами – это сплошное горе. Детское безутешное горе и слёзы.

Но когда мое состояние улучшалось, и я вливалась в обычную детскую среду, то жить становилось вполне сносно.

Изредка по выходным я гуляла с родителями в парке Горького.

Ела мороженое и в предвкушении стояла в очереди на скоростной аттракцион. Аттракционы были моей слабостью. Вот когда я испытывала минуты восторга и счастья!

Уже с ранних лет каталась на них одна. Папа «каруселиться» наотрез отказался, а мама, откатавшись со мной пару раз, решила, пусть катается одна. Всем было дурно от скорости.

Надо заметить, что в Союзе не наблюдалось таких экстремальных аттракционов, как сейчас. Поэтому, чтобы получить хороший выброс адреналина, надо было выбрать самый угарный аттракцион и прокрутиться на нем минимум пару раз.

Когда это удавалось, день был прожит не зря! А то и весь месяц, до следующего раза.

В обычные дни меня водили гулять в маленький парк им. Милютина, который рядом с бульварным кольцом. Ну что там? Горка, качельки, песочница и бревно. Вот, собственно, и все развлечения. Нет, конечно, там было много зелени, дорожки, статуи, кафешка какая-то и даже фонтан! Обычно фонтан не работал, воды в нем не было, и развлечение маленьких детей состояло в том, чтобы папа (или другой сильный взрослый) опускал их за руки на дно фонтана. Счастливые дети бегали по старой корявой плитке дна минут, эдак, пять, а потом их за руки обратно втаскивали «на поверхность». Такой вот «аттракцион» местного значения.

На горке тоже можно было словить скорость... Но там часто гурьбилось много детей. А их я побаивалась. Не самих детей, конечно, а их прыткости. Толкаются, пихаются. А я, слаба физически, на мне все хуже заживает, да и больно мне колени сильнее, чем другим.

Вон, тот встал, отряхнулся и побежал снова. А я после падения минут пятнадцать в себя прихожу.

Помню, папа учил меня ходить по бревну. Ему очень хотелось, чтоб я не росла нюней. Однако его надеждам не суждено оправдаться. Нюня я ещё та, хоть и научилась это тщательно скрывать.

Так вот позже, уже гуляя с бабушкой, сказала ей, что по бревну хожу легко! Видимо, когда папа шел рядом, я и правда чувствовала уверенность.

Вскарабкалась на бревно. А бабуля маленькая, где-то там внизу, да ещё идёт не в шаг со мной. Короче, с бревна я шлёпнулась. Коленку разбила. Хорошо так разбила. На лавочке сидела, ревела, пятак прикладывала и газетку, намоченную в холодной воде. Ну скажите, кто станет с разбитой коленкой на лавочке сидеть с пятаком и газеткой?! Только Ира. Если бы там кровь хлестала, то понятно. А так только синяк да шишка. Обычное дело для любого ребенка! Но я не любой. Я особенный ребенок. Больной.

ВОСПОМИНАНИЯ

Сама бабушка была по жизни отважная. Родилась она в 1919 году. Времена тяжёлые. Разруха послереволюционная. Да ещё отец у них алкаш. Сапожник и алкаш.

Лихо жене и детям от него доставалось. Пропивал все. А потом буянил. Кидался на жену и двух младших сыновей. Бабушка редко об отце вспоминала, но чувствовалось, что воспоминания приносят ей боль. Собственно, и вся информация о моем прадеде.

Когда я росла, бабушкиных родителей в живых уже не было. А ее братьев совсем молодыми убили в Великую Отечественную Войну. Так что из их рода никого не осталось. И все свои силы моя любимая бабушка устремляла на меня.

Со всем патриотизмом!

Однажды бабушка ради меня полезла кататься на «Ромашке»! Ну, потому что одну отпустить не рискнула. Сиденья на аттракционе высокие, а бабушка маленькая ростом. Меня-то она посадила, а сама влезть не может. Билетерша ей стульчик принесла! Вы видели когда-нибудь бабушек, заступающих на аттракцион со стульчика? Нет? Вот не повезло! А я видела. И запомнила до сих пор. И всегда буду помнить. Потому что это бабушкина любовь полезла на стульчик, запихнула какую-то таблетку в рот и, закрыв глаза, понеслась со мной по кругу выше верхушек самых высоких деревьев.

А ещё бабушкина любовь делала много всего необыкновенного. Шила мне костюм Красной Шапочки, балерины, цыганки и даже Аллы Пугачевой! Петь я очень любила. И пела исключительно эстрадные песни, а не какие-нибудь там детские песенки. Особенно, конечно, репертуар Аллы Пугачевой находил отклик в моем сердце. Платье у певицы было тогда с рукавами-крыльями. И у меня такое. Условием любого моего концерта было то, что зрители-гости начнут вызывать меня на бис и искусственными цветами закидывать, когда я скромно склоняюсь в реверансе. Забавно вспоминать.

А ещё бабушка могла, расстелив на полу газетку, встряхнуть на нее целое ведро мусора, потому что я потеряла свою любимую игрушку – Гиппопотутика – в полмизинца величиной. Там, в мусоре, его тогда и нашли.

В детстве бабушка водила меня в баню. У бани было два назначения. Помыться (в бабушкином доме не было горячей воды) и попариться. Как известно, старинный русский метод для поправки здоровья. Думаю, бабушка очень верила, что походы в баню придадут моему организму сил.

У меня была специальная шапочка и шлёпанцы, как у заправских банщиц. Но моя парилка начиналась и заканчивалась на самом входе. И веником меня пошлепали легонько

только пару раз. Кожа у меня нежная, тонкая, да и врачи не разрешали многое. Например, плавать в водоемах и загорать. Когда-то летом бабушка разрешила мне позагорать, а врач потом отругала за это мою маму.

Вообще-то детство с бабушкой проходило насыщенно и интересно. Каждый день прогулки. То к соседке в гости, то на демонстрацию с бумажными цветами (а это два раза в год!), то в галантерею. Сейчас нет таких магазинов. А в Союзе были. И для меня лет до десяти они были самыми интересными магазинами в мире! Исключение составлял только большой Детский Мир.

В галантерее бабушку можно было «раскрутить» на то, что нынче принято называть словом «бижутерия». А я, ох, как тяготела ко всяким кулончикам и перстенькам! Кольца дед брал на завод и распиливал, чтоб поджать их под мои пальчики. Так я и выхаживала по квартире в перстнях и цепочках. На улицу мама строго настрого запретила в них выходить. «А почему?» – мысленно недоумевала я.

Моя мама была самая-самая мама в мире! (После Карлсона, конечно). Она славилась безупречной внешностью и вкусом. Всегда хорошо причесанная, с начёсом, как было модно в семидесятые, стройная, высокая и пахнущая французскими «Клима». Раз в полгода (мне так запомнилось) папа дарил маме флакончик дорогих и редкостных по тем временам духов, и все в нашем доме потрясаяще благоухало ими. Но однажды мама разлила полфлакона дорожущего парфюма на новенький палас. О, Боже! Как болела голова! С тех пор моя любовь к духам и охладела. (Надо заметить, вернулась она не так уж и быстро, лет тридцать спустя.)

Жили мы тогда в коммуналке. Одна комната принадлежала нам, а в другой жила соседка Дарья Ивановна. Или просто баба Дарья.

Дарья Ивановна была крупной статной старухой, похожей на бабу Ягу. Извините, факт есть факт. Когда я была ещё крохой и разглядывала в книжках картинки, то увидев нарисованную бабу Ягу, воскликнула «О, наша баба Дарья в книжку попала!» С тех пор мама поняла, что сказочную нечисть я бояться не буду.

Да я и не помню, чтоб я чего-то в детстве боялась. Ничего, кроме одного – остаться без мамы.

В больницах того времени было жёсткое правило. Ребенок должен был находиться в стационаре без мамы и не важно, месяц или два он там пролежит. А что может делать малыш в чужом месте без мамы, без игрушек, без мультфильмов, без книжек, без привычной еды, без прогулок?! Плакать. И я плакала. Долго, много, горько и безнадежно. Только чужие люди вокруг, болезненные уколы и страшные процедуры.

Мама платила санитаркам, чтоб они пускали ее ко мне хоть на часок. Так я и жила в ожидании мамы каждый день.

Наверное, поэтому с самого детства во мне засел страх – остаться без нее. Она, как большая птица, укрывала меня своим крылом от всех бед и ненастий. Только в ее присутствии я чувствовала себя спокойно и защищенно. А поскольку больницы в моем детстве были частыми, то страх со временем только укоренялся.

С бабушкой было тоже защищенно. Бабушка не ассоциировалась с больницами. Хотя иногда у нее дома тоже очень не хватало мамы.

До школы я жила у бабушки на пятидневке. А на выходные родители забирали меня домой. В садик я, естественно, не ходила.

Но и дома скучать не приходилось. Мне было хорошо и спокойно со своими игрушками. Я умела играть одна. В основном это были куклы и их принадлежности: коляски, кровати, кукольные сервизики, одежда. А ещё был набор лаборанта. Настоящие стеклянные пробирки, трубочки и стёклышки. Их дарила мне за хорошее поведение лаборантка из детской поликлиники, к которой меня каждую неделю водили сдавать кровь. Одноразовых пробирок тогда

не было, вот и списывали стекляшки за отколы и трещинки. Из этого списанного добра и состояла моя лаборатория. Полный восторг!

Мама покупала мне исключительно импортные игрушки. В основном ГДРовские. В большом Детском мире надо было отстоять длинную очередь, чтобы отхватить то, что выбросили в продажу. Так и говорили – отхватить и выбросили. И мама хватала! Чтоб меня порадовать и себя. Она родилась в год Победы, игрушек в послевоенные годы практически не было. Вот она и наверстывала упущенное детство вместе со мной.

Конечно, я очень любила, когда мама брала меня с собой в Детский Мир. Это были не частые случаи, но всегда впечатляющие. Не всегда удавалось попасть, когда что-то выбрасывали. В Детском Мире меня завораживали большие часы «Солнышко», с двигающимися глазками, на главной огромной стене магазина, которые смотрели влево-вправо в такт секундной стрелке. Тик-так, тик-так.

В мое детство такие элементарные механизмы вызывали полный восторг. Механических игрушек в те времена было не так уж много.

Поэтому кукольный театр Образцова тоже очень впечатлял. И снаружи, и внутри. Тогда был популярен кукольный детский спектакль про медвежат, которые возвращались из деревни домой. Я смотрела его в театре несколько раз с упоением. Но вернемся к Детскому миру.

Придя в магазин я часто выпрашивала у мамы простые отечественные игрушки, которые были у всех или у большинства детей того времени. То пупса пластмассового, то сумку, напоминающую отечественную хозяйственную сумку всех советских тружениц. Мама предлагала купить модную бордовую сумочку через плечо, а я настаивала на большой практичной сумке на молнии с несколькими отделениями. Белой с цветочками. Красными и зелеными. И моя взяла! До сих пор вспоминаем с мамой эту историю и смеемся.

ДОМА

Поскольку мы жили вчетвером в одной комнате, играть мне было особо негде, разве что на подоконнике или на крышке секретера. Секретер мне торжественно выделили, когда я перешла во второй класс. Там хранились и учебники, и книжки, и тетрадки, и коллекции календариков, марок, открыток... Да чего там только не хранилось!

Но иногда мне, как и всякому взрослеющему человеку, хотелось уединения. И мама решила мне играть в пыльном, заставленном коробками и инструментами, чулане. Вы представляете, целый чулан и там только я?! Одна!

Когда ко мне приходили подружки, я раскладывала на коробке из-под пылесоса коллекцию разноцветных стеклышек или открытки-календарики и многие мне немножко завидовали. Ведь ни у кого из моих сверстниц не было чулана, в котором можно было играть.

ОТКРЫТИЕ

Наша небольшая кухня уютная и светлая. Ни за что не скажешь, что коммуналка. Родители выкрасили ее свежей краской, мама повесила симпатичные шторы. Соседка Дарья Ивановна позволила нашей семье пользоваться ее столом. Сама она на кухне появлялась редко. Приготовит что-нибудь, и к себе в комнату несет. Кушает она исключительно на своем подоконнике в комнате. Они в нашем старинном доме большие, не хуже стола.

– Мама, мама! Я ведь тоже должна буду умереть! – бегу я со всей мочи на кухню.

Мама обернулась и испуганно взглянула на меня.

– Что случилось, дочка?

– Ничего. Просто все умирают, значит, и я умру. Я была потрясена сделанным открытием. На мои глаза навернулись слезы.

Мама присела на кухонный табурет, взяла меня на колени и обняла.

– Ну... это будет очень нескоро, когда ты станешь старенькой.

– Но ведь все равно же умру. Не хочу, мне страшно.

Мама вздохнула.

– Ничего не поделаешь, дочка, так устроен мир.

Она обняла меня крепче и влила тем самым в мою душу безмятежность.

Я хорошо запомнила этот вечер. Мне было 7 лет. И с тех пор меня начали волновать вопросы мироздания.

Приблизительно в то же время в наш дом по приглашению мамы пришла экстрасенс. Молоденькая девушка, похожая на подростка, была одета в белую футболку и джинсы (немалая редкость по тем временам). Мама исхитрилась подпольными путями пригласить ее для меня через каких-то знакомых. От отчаяния.

Помимо традиционной медицины ко мне периодически что-то привязывали, чем-то обмазывали, уговаривали выпить какую-то отвратительную на вкус настойку, давали гомеопатию. Теперь экстрасенс. Тогда слово такое употреблялось очень редко, в моду всякие нетрадиционные практики ещё не вошли.

И вот в нашей небольшой, но опрятной комнате девушка-экстрасенс сидит на единственном диване напротив нас с мамой и делает правой рукой какие-то манипуляции в воздухе. Словно на невидимом пианино играет. А мы с мамой на стульчике перед ней. Я на коленях у мамы. Так спокойнее.

В доме тихо. Я настороженно наблюдаю за ней, ведь никто не знает, что можно ожидать от человека, которого называют непонятным словом – экстрасенс.

Несколько раз она задавала маме вопросы обо мне, о нашей семье. В целом сеанс был короткий и совсем непонятный для меня. Но главное, она не причиняла мне боль, не ощупывала больные суставы, как это делали врачи. Она вообще вела себя так, будто меня в комнате и не было.

Позже мама передала кому-то из знакомых ее слова, а я услышала.

– Муж ваш крещёный, а вы с дочкой нет. Отсюда и все проблемы.

Так, с подачи экстрасенса, мама начала подготовку к крещению.

КРЕЩЕНИЕ

Наше с мамой крещение решили проводить в доме у бабушки.

А как иначе? Могут ведь и из партии «попросить», если узнают.

Приглашенный батюшка долго ходил вокруг таза с водой, стоявшего на табурете, посередине одной из комнат, в которой стоял огромный киот, доставшийся семье от моих прапрадочей по дедовой линии, читал молитвы нараспев громким голосом и рисовал на воде кресты кисточкой с какими-то благовониями.

Честно сказать, я устала от длительных и однообразных манипуляций. Да и запах масел для меня был резким и назойливым.

Понять я ничего не могла, но верила, раз мама стояла рядом, значит, все идет как надо.

Потом мы с мамой, бабушкой и крестной тетей Таней тоже ходили вокруг таза с водой, а в заключение священник облил нас из него Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Все, как положено. Мы сказали: «Аминь».

Уже потом украдкой бабушка мне прошептала: «ты, Ира, в Бога верь, Он поможет».

Сама бабушка в Бога верила как-то по-своему. Ее свекровь была женщина очень набожная, помогала церкви, кормила монахинь и нищих, но в собственном доме была беспрекословным диктатором. Много горя нахлебалась от нее молодая невестка. Видимо, с тех пор на традиционной православной вере израненная душа бабушки споткнулась. Чем эта набожная женщина отличалась от ее жестокого отца? Любви не было ни в том, ни в этой. А молодой невестке так хотелось простого душевного тепла и заботы. Но, увы, наверное, она этого не почувствовала до конца своих дней. Все время заботилась обо всех сама.

Крещение прошло, началась повседневная жизнь. А о прошедшем событии напоминал только крестик под подушкой.

Батюшка повелел не затягивать с причастием, и вот мы с мамой едем в Елоховскую церковь. Мама сказала, что там дадут что-то съесть и потом еще раз съесть.

Меня сильно тошнит. К тому времени это уже стало не редким для меня явлением из-за развившегося гастрита.

Тогда я первый раз побывала в храме.

Не понравилось. Как-то странно все вокруг, ничего не понятно. Особенно не понравился запах благовоний. От него тошнило еще больше. Непривычным было все вокруг. И люди в странной одежде и большое количество икон, свечей, и звучащая музыка. Присматривалась. В принципе, ничего страшного не заметила. Только как-то холодно, все будто потерянные вокруг.

Отстояли с мамой очередь. Открыла рот для получения причастия. В нос ударил винный запах. Быстрее потащила маму на свежий воздух. Сели на ближайшую лавочку. Просфиру ела уже там. Мама дала попить. Стало легче. Ком, подкатывающий рвотным рефлексом, отступил со своих позиций. Можно оглядеться вокруг. Красиво. Внешне храм выглядел величественно и более притягательно, чем внутри.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Настала пора мне идти в первый класс. И радостно, и боязно.

А вдруг суп гороховый есть заставят? В больницах было обычной практикой – заставлять детей кушать больничную пищу, вплоть до рвотного рефлекса. Из дома приносить ничего не разрешалось.

Когда мама успокоила меня, что супа точно не будет, я облегченно вздохнула. Школа, так школа.

В поликлинике мне сразу выдали справку об освобождении от физкультуры, а мама ещё и освобождение от завтраков добилась.

Вот так в сентябре 1979 года я пошла в первый класс с букетом красных гвоздик, в жёлтой курточке и в новых красных лаковых туфлях, которые сразу же жутко натерли мне пятки.

Все бы ничего, но именно с началом школьной жизни, вследствие лечения, я перестала расти. В первом классе это было ещё не очень заметно. Но с каждым последующим годом дети уходили в отрыв, а я оставалась «первоклассницей» по росту.

На меня стали обращать чрезмерное внимание, что вызывало весьма неприятные чувства.

– А почему ты такая маленькая? – спрашивали дети.

Ну не будешь же им рассказывать о болезни, о том, что в меня влило столько гормонов, что организм не справился и дал сбой. Приходилось как-то выкручиваться.

Моя настороженность и язвительность возрастала, когда дети шушукались неподалеку от меня, а потом выбирали самого отважного, чтоб тот подошёл и полюбопытствовал, почему я такая мелкая, сколько мне лет и т. д.

К сожалению, в моем кругу общения не было других особенных детей, поэтому какая-то часть меня всегда чувствовала себя очень одиноко. А зачастую и взрослые не сильно отличались от детей и говорили мне вслед какую-нибудь глупость.

Но в одном мне абсолютно повезло!

В школе я встретила Наташу.

Наташа была моей одноклассницей. Умная девочка с зелёными глазами и туго заплетенными косичками оказалась непревзойденной хохотушкой. Как мы подружились вспомнить невозможно. Знаю только, что на линейке мы друг другу очень не понравились, а уже через несколько недель стали неразделимы на всех переменах.

Наташа была самой высокой девочкой в классе, поэтому посидеть за одной партой нам удавалось крайне редко – ее учителя сажали на задние, а меня за первые парты.

Зато какой восторг испытывали мы, когда удавалось провести урок рядышком!

Как ни старались мы сдерживать смех, все же «хихики» с нашей стороны периодически тревожили тишину класса. Но поскольку учились мы неплохо, да и поведение было хорошим, вырвавшиеся наружу всплески эмоций нам прощались.

После школы самым трудным делом было расстаться с Наташей и разойтись по домам.

Жаль, что в те времена не было мобильных телефонов с фотокамерой.

Они могли бы запечатлеть двух раскрасневшихся от смеха девчонок, стоящих на углу перекрестка, с ранцами и мешками для сменки, в забавных шапках и пальтишках, пританцовывающих на месте от безудержного хохота и еле сдерживающихся, чтобы не упустить в штаны.

Думаю, время, проведенное с Наташей, было самым лучшим лекарством для меня.

«Над чем же можно было столько смеяться?» – спросите вы.

«Над всем», – отвечаю я.

Это была изобретенная нами игра «найди смешное в обыденном».

А если такового не находилось, мы просто придумывали его сами.

И так продолжалось до тех пор, пока наша семья не переехала в другую квартиру на окраине Москвы. Из-за чего мне пришлось сменить школу.

Переживала я сильно. Идти в новую школу, где заново придется преодолевать свои проблемы с учителями и сверстниками, да ещё без Наташи – боязно. Не известно, насколько дружелюбными окажутся дети в новом классе. А учителя? С ними тоже надо суметь найти общий язык.

От внутреннего перенапряжения у меня случился первый сердечный приступ.

РОЖДЕНИЕ СЕСТРЁНКИ

Уж очень мне хотелось малышку, особенно, когда увидела, что в классе у большинства детей есть братишки и сестрёнки. А я одна...

Не помню, как донесла эту мысль до родителей, но однажды...

Однажды папа с мамой стояли в нашей комнате напротив меня и загадочно так спросили, не передумала ли я насчёт пополнения семейства?

Сердце радостно забило в ожидании долгожданной вести.

А папа многозначительно спросил:

«Сейчас-то все тебе одной. А ведь делиться придется. Готова?»

Ну, конечно, готова! Что за вопрос?!

Да я рада все свои игрушки отдать!

– Хорошо, будет тебе братик или сестрёнка.

Уже взрослой узнала, как нелегко далось родителям это решение. Но вот животик у мамы начал расти, а в доме появилась редкостная по тем временам книжка Спок «Наш ребенок»

Я уже хорошо читала и принялась изучать новую для себя информацию «от зачатия до рождения».

Картинки разглядывала, недели считала.

И задала маме волнующий меня вопрос:

– Мам, все понимаю про ребеночка, как развивается, как рождается. Только как он там появляется?

Мама засмушалась и ответила первое, что пришло в голову.

А мне, впрочем, не так уж было важно, как малыш там появился. Главное, что теперь я стану старшей сестрой!

Пока мама дохаживала последние недели беременности, я с бабушкой Раей жила на нашей даче недалеко от Москвы.

Дачу я любила, поэтому время пролетало не скучно. То с соседскими ребятами из песка замки строили, то из брызгалок обстреливали друг друга водой. И даже закапывали клад в сундуке.

Пока однажды соседи, приехавшие из Москвы, не сообщили мне радостно:

– Иринка, у тебя сестрёнка родилась!

Я даже заплакала от переизбытка чувств.

Прибежала к бабушке Рае, глаза горят, на щеках слёзы:

– Мама сестрёнку мне родила!!!

На следующий день меня забрала к себе бабушка Клава. Та, которая со мной и в огонь, и в воду, и на «Ромашке» заодно.

Один раз мы с ней навестили маму в роддоме, посмотрели на малышку через окно.

А вскоре всей делегацией – папа, бабушка, дедушка и я – поехали забирать маму и «подарочек» из больницы.

Дома я не могла налюбоваться на нашу «спящую красавицу». И носик, и ушки, и ротик, и щёчки – все вызывало мой восторг! Только сестрёнка все время спала, а так уже хотелось с ней поиграть и заглянуть в ее карие глазки!

Началась новая жизнь. Мы с мамой кормили, мыли, пеленали малышку, чистили ушки, обрабатывали пуповину грудничка. Конечно, делала все мама, но я неизменно присутствовала при всех процедурах. И не упускала возможности прикоснуться к своей сестре.

Первый месяц на белом свете показался ей не очень приглядным, и она часто плакала, особенно по ночам.

Мне повезло в том, что наш класс тогда учился во вторую смену, и я могла подольше поспать.

А маме с папой по очереди приходилось таскать маленькое сокровище на кухню, чтобы та не будила меня в комнате.

Однако она заливалась так громко, так истошно, что слышно было во всей квартире.

Но все когда-то заканчивается, и это тоже прошло.

Наш малыш, которому мы все никак не могли дать имя, стал спокойно сопеть по ночам.

С именем долго не могли определиться. И когда девочку все же решили назвать в честь мамы – Наталья, то за ней тут же закрепилось милое – Татусик. А нашей любимой песенкой стало народное «Ой татушки, три-та-та».

Татуська была невероятно шустрой и шкодистой девочкой. У родителей прослеживалась растерянность в методах ее воспитания – было не понятно, как после такой тихой и покладистой Иры справляться с таким сорванцом.

Да и я страдала не меньше. Как только Тата стала самостоятельно передвигаться по комнате, я не успевала прятать учебники и тетради. Если родители никогда не проверяли мои домашние задания, (только если я сама засомневаюсь в их правильности и прошу помочь), то сестрёнка проверяла их регулярно. Теперь я понимаю, именно так появляются на свет талантливые педагоги.

Пожалуй, у меня не было ни одной промокашки, ни одного ластика, ни одной тетрадки, где Татуська не поставила бы свой многозначительный «кренделек».

Да что там тетради, она успела изрисовать мамин паспорт! Ну, когда?!

Его всегда прятали на самой верхней полке. Только мартышкам полки не помеха... Её каляки с постоянством появлялись то тут, то там.

СУДЬБА

После рождения сестрёнки мне два раза пришлось лежать в хирургии Русаковской больницы с гнойными абсцессами.

Больница эта старая, в центре Москвы.

Хирургия располагалась в каком-то старинном корпусе.

После многочисленных внутримышечных уколов мой организм отказывался всасывать лекарство, накапливал его и превращал в гной.

Теперь мне предстояло вскрытие абсцесса.

Почему так произошло, никто не знает. Но факт остается фактом – обе ягодицы разрезаны и откачено по пол-литра гноя.

Порядки в том отделении были ещё более строгие, хирургия ведь, а условия ещё более отвратительные.

Горшки часто не выливались своевременно, и маленькие дети измазывались в какашках и пачкали все вокруг. Зайдешь в такую палату, где все дети от года до трёх (к ним мам уже не положено пускать, только к грудничкам) вонь стоит несусветная, дети все перепачканные, без штанишек. Пытаюсь их как-то оттереть и медсестру позвать, чтоб чистые вещи принесла.

Ой, в общем, житие мое в этой больнице особенно врезалось в память. И вот ещё чем. В соседней со мной палате лежали мамочки с грудничками. И ещё ребенок из дома малютки. Ему месяцев десять, но он не ходит, не сидит, да и на вид не больше пятимесячного. Только головка выросла в соответствии с возрастом. А глаза такие большие, грустные и взрослые очень. Малыш не плачет, отучили в доме малютки. Спокойно и с глубокой душевраздирающей тоской смотрит тебе в глаза. Реснички длинные, красивые. А волосиков нет, обрили. Бутылку ему на полотенце положит медсестра, и он сосёт. А если обронит, то тихо будет ждать, когда кто подойдёт и снова соску к ротику поднесет.

Когда я его увидела, то не могла отойти от кровати. То бутылочку ему поддержку, то животик поглажу. А по щекам моим слёзы текут в три ручья.

У меня дома сестрёнка немного больше его. И жалко мне человечка этого невероятно. И поделаться ничего не могу. Безднадега. Бледненький, слабенький, в застиранных ползунках. Медсестры от его кровати гоняют, нельзя ему к теплоте человеческой привыкать, ему обратно в соц. учреждение надо.

Постою, поплачу, а как ноги затекут, стараюсь незамеченной прошмыгнуть в свою палату. Будут ведь ругать, если увидят, что я не в своей палате.

Вот так. Судьба такая. Или люди такие...

МОРОЗОВСКАЯ БОЛЬНИЦА

Как из песни слов не выкинешь, так из моего детства не выкинуть всё, что связано с Морозовской детской городской больницей.

Каждый месяц меня возили туда со всеми анализами и справками, оформляли госпитализацию через приемный покой, вели в отделение, брали пункцию внутрисуставной жидкости, вводили лекарство и... отпускали домой.

Конечно, проделывалось это по предварительной договоренности между врачом и мамой. И очень подпольно. Потому что мы нарушали все тогдашние законы детских больниц.

Но пару раз в год избежать госпитализации длинной в месяц или более все же не удавалось.

Бич всех больниц того времени – это рыжие прыткие тараканы.

Тараканы были еще одной причиной, по которой я очень боялась больниц. Они шныряли везде. По утру их можно было обнаружить в тапочках, в тумбочке и даже на подушке. Вечером они могли притаиться под одеялом, упасть с потолка или внезапно вылезти из неожиданного места и нагло пошевелить усами. Фу!

Я очень боялась рыжих хитрецов.

Дома у нас такой живности не было, и вызывали они во мне жуткую брезгливость, до мурашек.

Самое страшное, если ночью приспичило сходить в туалет.

Сначала свет из коридорчика зажжешь, потом дверь ногой пнешь, чтоб открылась. Часть страшилищ попадает с потолка и стен, разбежится по углам, но самые наглые особи останутся.

Идешь, стараясь не наступить на них, особенно на здоровенных и хрустящих. Потом осматриваешь унитаз – не притаился ли там рыжий противник? Если все нормально, то повезло. А если на ободке зашевелились усы, снимаешь с одной ноги тапок и балансируя на второй, настойчиво сгоняешь насекомое. В общем, процесс хождения в ночной туалет становился сродни вхождению в комнату страха.

Зато по окончании дела, вдыхаешь полной грудью от облегчения не только в теле, но и в душе.

Чем могут навредить тараканы?

Физически, ничем, наверное.

Но морально кровушки моей они попили изрядно.

Лечение в больнице заключалось в откачивании жидкости из суставов и введении стероидов. Иногда назначали массаж и физиотерапию, если позволяли анализы. Вот и все.

А еще я постоянно должна была принимать иммунодепрессанты, чтоб болезнь не прогрессировала. Принимаю их и по сей день. Просто с годами они стали более мощными. А иммунитет мой становится все слабее.

ДЕВОЧКИ

А еще с воспоминаниями о Морозовской больнице ярко всплывают две судьбы – Наташи Фроловой и щупленькой девочки, имени которой я не запомнила.

Наташа жила в детском доме, и с невероятной регулярностью попадала в Морозовскую больницу.

Выразится точнее, она жила в Морозовской больнице и иногда ее забирали обратно в детдом. Дело в том, что у Наташи была сильная астма, она задыхалась от приступов, а в интернате никому не было дела до ее здоровья, и руководство быстренько отправляло ее на «скорой» на лечение.

В стационаре приступ снимали, и у Наташки начиналась светлая полоса жизни. Ведь в отделении дети домашние, им родители передачи приносят, а для голодного интернатского ребенка еда – это главное! Да ещё вне стен детдома!

Наташа явно была ребенком пьющих родителей.

Это было «написано» на ее лице.

А по фигуре Наташа напоминала гориллу.

Вся измазанная зелёнкой, с расчесанными болячками на коже, в одних колготках, с чёлкой, явно остриженной в больнице или детдоме, Наташа производила весьма неблагоприятное или даже ужасающее впечатление.

Говорила она громко, с хрипотцой, а смеялась... Короче копия актера Леонова в фильме «Джентльмены удачи», когда он в камере говорит – «пасть порву, моргалы выколю». Только девочка...

Конечно, свирепела Наташа, если только её разозлить. А разозлить ее было не сложно: не поделись передачей или скажи ей что-нибудь типа «детдомовская» и у Наташи глаза кровью наливаются. И ударить, и толкнуть могла, и за волосы оттащить.

Зато относись к Наташе хорошо, уважительно, угощай почаще, и Наташа будет смеяться радушно громко, а без того маленькие глазки на ее лице превратятся в малюсенькие щелочки.

Медсестры Наташу знали и понимали, что спящего зверя лучше не будить. Поэтому это был единственный ребенок в отделении, которому позволяли спать днём, когда все дети даже сидеть на своих кроватках не могли. И не спать ночью. Ночью Наташа ходила на «дело».

Если чувствовала, что где-то едят, но без нее, тут же наостряла лыжи.

А где могли есть после отбоя?

Конечно, медперсонал в столовой.

И Наташа, грохоча тапками по длинному больничному коридору, с гулом, издаваемым хриплыми бронхами, мчалась туда на запах, чтоб ее покормили.

У меня не было брезгливости или неприятного отношения к Наташе. Мне ее было жалко.

В этом, конечно, заслуга моей мамы. Она обнимала, помогала, кормила всех детишек, которые оказывались рядом. Когда я была дошкольницей, я даже ревновала маму к другим детям. Но повзрослев, я поняла, что мамы не хватает не только мне, но и всем ребятам. И даже, если это «моя мама» её душевное тепло может помочь другим детям пережить разлуку с родителями.

Наташу мама тоже жалела. Но виду не показывала. Разговаривала с ней, как с любыми другими детьми, угощала тем, что приносила из дома.

Наташа пыталась (и зачастую очень успешно) отобрать у меня блокнот, календарь или новую ручку. Демонстративно показывая, что сейчас унесет добычу к себе в палату. Но я не отнимала, и, уж, тем более не гонялась за ней. Наташа почти на голову выше, а сильнее... Слава Богу, испытать не пришлось, насколько Наташа сильнее. С одобрительного кивка мамы я отдавала девочке все, что той приглянется.

И однажды. Однажды мы вновь пересеклись в больнице. Наташа уже лежала там, а я только обосновывалась на новом месте. Как вдруг Наташа принесла ко мне свои ценности: несколько календарей и блокнот. Где уж она этим разжилась, я не знаю. Но довольное лицо Наташи всем видом выражало гордость за своё имущество. Мои глаза тоже загорелись. Календари были какие-то не наши, не из киосков. Я даже чуточку, самую малость, позавидовала Наташе. Видимо, на это и было рассчитано.

А дальше, дальше был аттракцион невиданной щедрости. Наташа предложила мне выбрать календарик. И подарила! Мне! Свой! Календарик!

Не знаю, дарила ли Наташа за свою жизнь ещё когда-нибудь что-нибудь кому-то. Возможно, и нет. Оттого подарок этот вдвойне ценен.

Наташеньки не стало...

Наверное, ее жизнь оборвалась до 12 лет.

То ли не успели реанимировать, то ли ещё что.

Но приехав в отделение в очередной раз, я почувствовала какую-то не присущую этому месту тишину.

Прошло уже около 35 лет. Но я вспоминаю о ней очень тепло.

Не знаю, есть ли в этом мире ещё люди, которые помнят о Наташе Фроловой. Но я помню.

И календарик где-то лежит.

А девочка, чье имя мне не запомнилось, лежала в палате интенсивной терапии. С мамой. Они были явно иногородними.

У нее была высокая и широкая кровать, сейчас такие ставят в реанимации. Похоже, на этой кровати они с мамой спали вдвоем.

В палату часто заносили капельницы и дверь почти всегда была закрыта.

Но как-то вечером, я заметила, что дверь палаты открыта и там горит яркий свет.

Любопытство взяло своё. Я подошла ближе. И тут мама девочки (я видела ее в коридоре не один раз) пригласила меня войти.

Я с радостью согласилась. Ведь находиться целый месяц только в своей палате, без друзей и прогулок тяжелолюбому.

В таких палатах я еще не была. Яркий белый свет, небольшое помещение и огромная кровать, казалось, занимала всю палату. Шкафчик, тумбочка, стульчик, вот и вся обстановка.

На кровати сидела шупленькая девочка, как выяснилось впоследствии, вполне общительная и веселая, младше меня приблизительно на год.

Ее мама посадила меня на высокую кровать. Матрас на ней оказался очень удобный, гладкий, а не как в наших палатах из комков сбившейся ваты. И мы с приветливой девочкой около часа играли вместе.

Потом принесли капельницу, мне пришлось покинуть палату. Но я была очень довольна новой знакомой и интересно проведенным временем.

На следующий вечер палата была закрыта. По хмурому взгляду медсестры я поняла, что игр сегодня не будет.

Ну а ещё через день или два детей загнали по палатам (это обычная практика), а высокий мужчина спешно вынес из палаты тело ребенка, укрытое одеялом. Даже не помню, как я смогла это узреть. Но я все поняла. Моей новой подружки не стало. Палата теперь была всегда открыта.

Очень хотела написать эту главу.

Памяти маленьких девочек.

УЖЕ НЕ ДЕТСТВО

После переезда на новую квартиру я чувствовала себя выкорченным деревом, посаженным заново. А прижиться, ох, как нелегко. Часть корней-то обрублена.

Меня перевели на домашнее обучение, и отучилась я очно в новой школе только 7-й класс. Хотя сам этот год запомнился как очень неплохой год. Появились новые подружки, влюбиться успела, да и физическое состояние было вполне сносное.

Зато в 8 классе все пошло по наклонной. Первая серьезная трагедия (не считая детских больниц) случилась со мной в 14 лет.

Несмотря на множество таблеток и прочее лечение, у меня перестал существовать один тазобедренный сустав. Кость есть. А сустава не стало. Сросся и образовал прямую негибкую линию. Конечно, этот процесс сопровождался сильными болями и физическими, и душевными.

Как сустава не стало, боль из него ушла, зато многократно усилилась в душе. Теперь я уже не могла не чувствовать свою инвалидность. Хромота, не способность нагнуться, надеть носок или обувь, ходить по ступеням, очень угнетала меня.

Сильно.

Общественный транспорт и прогулки стали доступны только с сопровождающими.

А я так любила гулять! Гулять и, причем, самостоятельно!

Вот тогда и обуяла меня первая серьезная депрессия.

Отчаяние и растерянность. Как дальше жить?

Не была я подготовлена к такому повороту событий, ох, не была.

Хотелось умереть.

Казалось, так будет лучше для меня и для моих родных.

Почему-то совсем не было сил бороться. И мне никто не мог помочь. Никто. Не было человека, с которым бы я могла поделиться своей бедой.

Тут начались Чумаки да Кашпировские. Один воду «заряжал», второй смотрел с экрана сурово. Черная и белая магия на лицо. В прямом и переносном смысле.

Я сидела перед телевизором и ждала чуда. Ждала и боялась одновременно.

Страх вообще стал неотступной частью меня.

Боялась всего.

Особенно остаться одной. Болезнь прогрессировала, захватывая в плен те суставы, без которых самостоятельной оставаться уже не получалось. И глаза. Сильно стало ухудшаться зрение, поражались сосуды глаз.

Все готовились поступать в ВУЗы, ходили на подготовительные. А я все больше пребывала в одиночестве.

Смотрела вечерами в окно, плакала и тосковала. Так хотелось быть здоровой и вместе со сверстниками гулять, встречаться, общаться.

Хотелось, чтоб исполнилась мечта детства, с которой я как будто родилась. Иметь в 28 лет двух детишек: старшего мальчика и младшую девочку. Быть счастливой мамой, женой и просто домохозяйкой.

И чем больше становилось осознание неисполнимости этой мечты, тем несчастнее я становилась.

Это сейчас можно прочитать кучу информации на тему депрессии. А тогда я даже не понимала, что со мной происходит. Была безысходность, и не ясно, что делать дальше. Так и жила.

А после окончания школы начала ещё и катастрофически слепнуть на оба глаза.

Предстояли операции, которые ничего радостного мне не сулили. Ходить всю жизнь в очках с толстенными линзами, представлялось катастрофой. Даже самым древним бабушкам заменяли удаленный хрусталик на искусственный, а мне нельзя. Ткани моих глаз хуже, чем у старушек. Ужас!

Мало того, что я в себе и так ничего привлекательного не находила: рост метр с кепкой, суставы деформированные, от гормонов опухаю, теперь ещё прикрыть от всех то, что принято называть зеркалом души.

Но главное испытание, как оказалось, ждало меня впереди.

ОПЕРАЦИЯ

Сложную операцию на глаза (там не только катаракта, но и увеит, глаукома, замена стекловидного тела) взялись провести в именитой клинике им. Федорова. Там все супер-пупер. Но, увы, индивидуальный подход к пациентам отсутствовал. Все потоком. Вот меня этим потоком и засосало. Очень боялась я этой операции, даже маму попросила сходить в храм свечку поставить. Слышала, что так делают. Вот и ухватилась, как за ниточку.

А у самой ужас в душе. И как оказалось, не зря.

Лежу я в предоперационной, жду своей очереди. Заходит молоденький доктор и колет мне анестезию. Как всем: около глаза и за ухо. И от этого «за ухо» как поплывет у меня все куда-то из реальности в иные миры. Все отдалилось: люди, голоса. Только страх неописуемый и мамин голос откуда-то с потолка. А мамы-то рядом нет. В таком состоянии оцепенения меня и завезли в операционную.

Дальше хуже – резать начали. У меня боль, как по живому. А я только постанывать могу. И боюсь сказать про боль, пошевелить губами, ведь в глазу скальпель.

Операция закончилась, а боль не ушла. Я вернулась в реальность. Но часть меня на много лет осталась где-то там, под яркими лампами операционной.

И тут началось. Как только речь пойдет про глаз, про операцию, у меня слёзы градом. Ничего сказать не могу, рыдаю.

Прожила так какое-то время, а потом попросила пригласить мне психиатра.

Устала от ночных кошмаров и общего тягостного состояния.

Психиатры – народ не эмоциональный, выдавший всякое.

Спросил меня доктор что-то, я сразу в слёзы. Ну, он, недолго думая, быстренько бумажку с назначениями настрочил.

Антидепрессанты и транквилизаторы.

Знакомство с Библией

Одна операция на глаз осталась позади. Но читать, писать, смотреть телевизор я все ещё не могла. Предстояла вторая операция на другой глаз, которую, как вы уже можете догадаться, я жутко боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.